



БЕСЫ

города Ленинграда

Посмотрите на ленинградское небо: оно зовет к суициду. Или к дверям старушки-процентщицы. Оно садится на невнятном западе, западает в невидимый горизонт и оставляет Ленинград в сером и стылом мраке. Ключевое слово — «запад». Город делит небо с двумя такими же стылыми и балтийскими столицами — Хельсинки и Стокгольмом. Если смотреть в небо со стороны финнов и шведов, оно почему-то абсолютно нормальное, без inferнальной духовности и без намыленной Достоевской веревки. Без бесов.

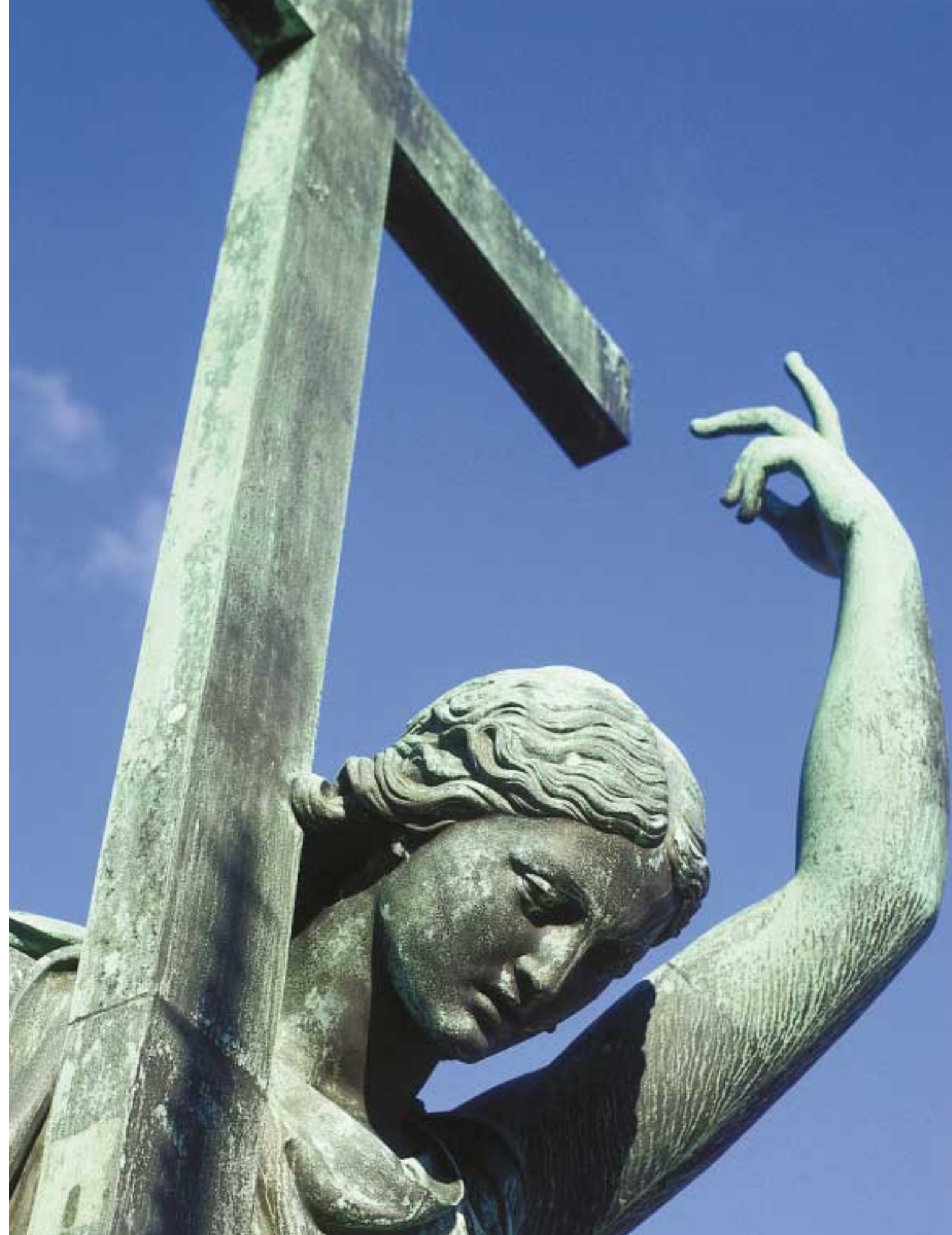
Игорь Иванов-Васильев, инженер-судомеханик

ГОРОД БЕЗ ИМЕНИ

Этот город, как шляха, примеряет на тощую грудь таблички. Он не может решить — он Петербург, Петроград, Ленинград, Питер-шмитер или еще что там. Запутавшись в клочках, я пишу — Ленинград. У меня в графе место рождения именно так написано: Ленинград. Ну точно как группа Шнура. Более того, безумный Петр Ликсеич Romanoff, не знакомый с фэнь-шуй, сволок всех моих псковских деревенских предков строить этот чудный город на гиблом месте. Мои пролетарские прадеды были мастерами на Путиловском заводе, мои деды — на Кировском, что одно и то же. Это моя семья вымирала в грамотно срежиссированную блокаду. Не думаю, что многие «питерские» могут сказать о себе то же самое. А потому у меня есть полное право сказать: я ненавижу город Питер, построенный на костях моей семьи, а заодно ненавижу его обитателей и отдельно — выходцев.

Выходцы как выползни: где один, там и много. Посмотрите, сколько черных «ауди» без права досмотра приезжает за ними на Ленинградский (Николаевский) вокзал. Это так называемая питерская команда, о которой рассказывают анекдоты, которой завидуют и которую начинают бояться.

Хотя меньше всего хочется видеть у руля людей, которые даже свой город уже превратили то ли в криминальную столицу России, то ли в мокрую пустыню. Можно сколько угодно говорить и писать о шустрых питерцах первого вывоза — Кохе или даже великом и ужасном Чубайсе («Чубайса в президенты!» — кстати) — и о том, как много полезного для процветающей родины сделал интеллигентный мужчина в эспаньолке — новенький Греф. А потом поехать и посмотреть, как много вечного и мудрого сделано в столь любимом читающей публикой Ленинграде. Когда у вашей иномарки, купленной в Москве, выбьет мосты и шарниры равного ускорения на чудовищных колдобинах ленинградских дорог, насчет особой одаренности местного менеджмента вам станет все ясно. Не



говоря уже обо всем другом: о фасадах исторических домов, о грязных бесконечных водах, никому не нужных, даже местным бандитам, которые давно их поделили. Я понимаю, что десятки тысяч гаражей вдоль Ручьев и Мурина говорят лишь о благосостоянии питерцев, но цементные джунгли вокруг сведут с ума здорового — не то что истинного питерца, которому всегда так хотелось наконец порулить и натянуть нос завесившимся и чванливым москвичам.

Настоящий питерец бледен от недоодеяния (вариант — похмелья), одет в шмотки, привезенные друзьями из Дании и вышедшей замуж за шведа подружкой, бывшей валютной проституткой из гостиницы «Советская». Он может быть хорошо образован, если, конечно, хоть один питерский вуз дает образование. Кроме разве что Фрунзенского и Дзержинки. Близость истории призрачного города дает возможность питерцу



С московским столяником в кармане питерцу хорошо мечтается о покорении столицы. Чтобы ее глубоко презирать.

за пивом порассуждать о нестерпимой духовности самого города, а также его обитателей. При этом за пиво обычно платит гостящий москвич. Разговоры о духовности приходится вести на повышенных тонах. Не потому, что москвичи отбиваются, а потому, что громко течет сливной бачок, который хозяин дома не может отремонтировать уже лет восемь. Аргументов в дискуссии про исключительность приводится несколько. Один из них — питерский рок, другой — Юрий Шевчук из Уфы. Разговора про театры не получается, потому что ни одного нормального в Питере как не было, так и нет, с тех пор как они похоронили Акимова и выперли покойного Райкина со всей командой. Доводы про Товстоногова не принимаются. Равно как и приключения Мариинки. Кому из гетеросексуалов есть дело до балета? Разговора про музеи не выходит тоже, потому что все и так знают, когда и что украли из Эрмитажа, повесив фуфлю по стенам. Про питерское телевидение и говорить-то стыдно, так как оно еще хуже камчатского областного телеканала. Зато можно порассуждать о том, как мерзко жилось в Питере при Николашке Кривавом, как отвратительно при Лукиче, как чудесно при Кирове, как невыносимо при Жданове, душно при Романове, воровски при Собчаке и беспредельно при Яковлеве. Убедившись в своей исключительной невысказанной духовности, хозяин чудной коммунальной квартиры с вечно грязной лестницей, победив в извечном споре мещанина-москвича, стреляет у него долларов сто в долг,

который, впрочем, с душевной легкостью не отдает уже никогда.

С московским столяником в кармане уже проще мечтается о том чудесном времени, когда питерцы наконец получают то, чего заслуживают по праву рождения, — переедут в Москву.

И будут ее презирать без отрыва от годной работы в правительстве.

А как же потрясающе тонкие и умные питерские девушки, белокожие и раскорманные? В отличие от меркантильных москвичек они готовы любить вас просто так. И за папу, и за маму, и за Шевчука, и за Гребня, и за Шнура, а также за то, что вы прочли несколько книг. Роман будет кратким и закончится плохо, как заканчиваются плохо все браки с питерскими женщинами — носительницами кармы города на болоте. Разница между питерскими и московскими барышнями такая же, как между бесплатной любовью и проституцией. Бесплатная обходится гораздо дороже.

Наталья Медведева, русский писатель

Я РЕЮ ЗНАМЕНЕМ...

Мне снится, что я иду по заснеженной аллее Летнего сада. Амуры все и Терпсихоры, Дианы и Психеи — в домиках. Но вот они вылезают из своих сколоченных еще в 1941 году гробиков, демонстрируя «пушкинские» ножки, головки... и бегут за мной! Хватают. И заколачивают — заколачивают!

— меня в домик-гроб. И... и только узенькая полосочка света проникает ко мне сквозь щелочку... «Мы вспоминаем не то, что было, а то, что однажды вспомнили» (А. Ахматова).

Ну не знаю я, не знаю, где «башня» Иванова! И я никогда не была в доме-музее Набокова-Достоевского-Пушкина-Ахматовой. А мой, мой дом, где я родилась!.. Через черную арку в гравюру, сделанную с черно-белого же оригинала переулка Гривцова... Свет где-то слева, размытой грязью, у углового дома. Моя детская парадная пьяно икает на другой стороне «фронта», и справа от нее вспыхивают разорвавшиеся снаряды: МЯСО ПТИЦА МОЛОКО.

Я родилась, а через два дня умер мой отец. Я что же, теперь всю жизнь буду искать папу?! Раз дедушка — Фрейд... Северная Пальмира... полмира... и все тешат себя иллюзией о величине и величии, подтверждаемых тенями в тот час суток, когда они наиболее ирреальны: шемьякинскими гоголями-достоевскими-гофманами... А я, я иду вниз по Невскому, и моя тень самая длинная в 19 часов 45 минут — полчаса до заката. От «Сайгона» до Казанского собора! Смотри, смотри на меня! Ветер надувает парусом мою юбку на Аничковом — тебе нравится?! Я могу прыгнуть в Фонтанку! Ах нет, пробегу дальше — поприветствую Екатерину. Только ладошкой, только слегка ей покачивая — по-королевски! Тут же, не забыть, пару па из музыкальной комедии: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!» — не венский, а венгерский Кальман... Дальше — через Садовую, Пассаж, «Север»... Мне было пятнадцать лет, и я демонстрировала себя моему Городу. Я так

хотела ему понравиться! Быть ему под стать. Моему любимому... Да я почти стала им, вторя его раскачиванию: я маятник! И я маюсь! С запада на восток! То и дело я между! Между рельсами линий трамваев из двух вагонов, сцепленных звучными пружинами, достойными Ива Танги. Все гремит вокруг, вползая — трамвай, автобусы, грузовики с вот-вот отваливающимися бортами — на мост через Неву! Песочная Петропавловка с детски-зелеными крышами, стена перед кусочком пляжа... Как удобно расстреливать с моста! «Свободу Синявскому и Даниэлю!» — белой краской, наспех, широкой кистью — из трамвая в восемь утра в подростковом каком-то году. Весело! Через час уже не было надписи... Я жест! Бросающий вызов, а не укор!.. Это в моем городе громче всего звучит: «Мы бедные, но гордые!» Зачем все время быть бедным?.. Родители Путина — блокадники? Родственники уж наверняка. Вот это они на невском пяточке у Гостиного двора — будто не «Советской Россией» торгуют, а своим имуществом, уцелевшим с войны. Так для них это тождественно! О! Это мучительно-совестливое бремя какой-то вины! Ну что я такого сделала?! Я везде только прославляла тебя! И над Сансет-бульваром, глядя с обложки, и на перекрестке Раппонги в Токио — дядей Степой! — и на Мэди-сон! Я рею знаменем! А ты...

Медным всадником! Обнимающим Каменным гостем и нависающей тенью отца Гамлета... Я и несусь, оседлав золотокрылого льва! Мы взлетаем до глобуса Дома книги аж!.. Как хорошо видно все: в «Сайгоне» продают унитазаы (ой, ну ладно — сантехнику!). Все эти прекраснородные молодые люди и девушки — куда же они делись? Да вот же они, у Казанского: сучки садятся в тачки! Сумочки от Версаче! А я не принимаю в этом участия и мне обидно?! Но я даже не могу пройти тот же отрезок — от «Сайгона» до Казанского — ты меня не видишь! Какие-то немислимые вывески-вырезки, щиты. Может быть, ремонтируют?.. Вечный евроремонт по-собачковски! Идем на сближение! На встречу... О, эта встреча Запада и Востока! Когда же она состоится?! Ведь эта встреча — гармония. И ровное дыхание. Сейчас — одни вдохи! Питер крепчает! Путем прет! Время рожать на монорельсе!.. «Сумбур вместо музыки!» Так много хочу сказать, что нечего! Так люблю тебя, что ненавижу!

Всю ночь по Невскому возили тачки. Отбойный молоток стучал. Рядом с Де-Толли кафе «Бонжур». Ох уж он «бонжурил» в восемьсот двенадцатом! Химическое облако ползет на «Европейскую». Знала ли я, что там, за столиком рядом, — мне пятнадцать, моему возлюбленному двадцать семь, — сидят Бродский, Найман... Впрочем, это в «Садко» они сидели... если верить, конечно.

Спрашивать у Наймана не хочется. Он все-таки не Ахматова, и мне не двадцать три года... И Ахматова смотрит с календаря альбумовского портретом всюду и везде.

«Ты должна!» — не говорил мне никогда отец. Да, по-моему, в этом городе у всех был один отец! «Я — Город!» Это он вытеснил все стремления, принудив сознательное «я» подчиниться силе высшего «Идеал — я»! С этим безотчетным чувством вины и с этим влечением к смерти. Потому что беспокойный Эрос заколочен в ящичек в Летнем саду! И Пушкин в монашеском клобуке уже даже не шуточный «гнусный» развратник. Мертвец. Это Москва — здоровая ленивая базарная баба. А Санкт-Петербург — это даже не кабаре, это какой-то погорелый театр с дохлыми девицами из кордебалета, которым ничего не остается, как продавать себя, морщась и отворачивая личико.

Юность... Юность... Поезд двадцать четыре. Нет, сейчас все на «Авроре», и за полчаса до прибытия переливы мобильных заглушают стук колес. Ленинград — это та редкая ошибка, которая доказывает противоречие и в которой присутствуют одновременно и необходимость, и иллюзия. Я никогда не синхронизировала с Родиной, с этим ее галопом за цивилизацией. Но с Городом?.. Я ведь не постмодернист Пригов, невозможный в Питере, сомневающийся в том, кто мой отец! Вот его фотография! «Ленинград» написано! Правда, сейчас еще прибавили слово «х...», белой краской, наспех, широкой кистью... Ну назначили кого-то орать «х...»! Лучше бы они так и сидели-орали в Ольгине, а так — прикарманили и шнурки, и ботинки.

Я будто смотрю фильм о человеке, собирающемся на... службу. Вот галстук повязал, уже чисто выбрит, пара легких хлопков по щекам, опрысканным «афтершейв», шарф аккуратно, крест-накрест, пальто, зонт-трость, и атташе-кейс уже стоит в карауле у двери... И следующая сцена в этом фильме: та же дверь приоткрывается, рывками какими-то, тут же виден этот самый кейс, и он падает, и из него вываливаются книжка Лотмана и Успенского «Петербург» и бутылка водки, наполовину опустошенная. И этот человек — он с красными щеками, носом, и шарф волочится по полу, и правое плечо пальто, которое он снимает одновременно с пиджаком, в шуткатурке. Как же так? Почему? Что? Ведь ты... А вот так: высокая одухотворенность и низкие истины! И так это гармонично... Все равно что Дворцовая набережная и объединенные, будто зубцы пьяницы, ступеньки в подъезде на Сенной.

Лучше бы там все умерли. Здоровый детский максимализм. Но вообще-то я выросла, и папа мне больше не нужен. У меня ровное дыхание по поводу этого города... Только я все равно не хочу туда ехать. Либо я сама, как

Каменный гость, буду смертельно сдвигать его в объятьях, либо он Медным всадником загонит меня на льва. Или тенью отца Гамлета станет нравоучительствовать, будто я что-то не так сделала. И делаю. И буду.

Дмитрий БЫКОВ, столичный журналист

БЕГ ПРОВИНЦИАЛОВ

В прежние времена каждый российский город имел свое лицо. Вятские — ребята хватские, Питер бока повытер, в Рязани грибы с глазами, а в Владимирской губернии, в деревне Покрова, запокрячил я кобылу и поехал по дрова.

В советское время неременная нивелировка коснулась всех — уравнились нации (да так, что отрицалось само понятие национального характера), так чего уж говорить о губерниях. Тула, конечно, славится пряниками и оружием (пряники, в отличие от оружия, не были статьей экспорта и потому становились хуже год от года). Вологда известна своим незабываемым маслом в бочонках. В Новосибирске, с тех пор как там появился Академгородок, можно было много из того, что нельзя в Москве. Но это различия жалкие, косметические. Какой индивидуальности хотите вы от городов, в каждом из которых есть улица Ленина и собственно Ленин, иногда в кепке, иногда без? Причем какая-то ужасная ирония была в том, что на юге он всегда стоял в пальто, а на севере — в кургузом пиджачке.

В каждом советском городе была улица Розы Люксембург, бывшая Купеческая, и улица Большая Коммунистическая, бывшая Лабазная. В каждом построили ночной видеосалон, и в каждом ночном видеосалоне, заплеванном семечками, стонали Брюс Ли и Эммануэль. Стонали от разного, но одинаково противно.

На этом фоне Ленинград выделялся как единственный город с яркой индивидуальностью и был за это особенно любим так называемой неформальной молодежью. Тут была рокерская мекка — Рок-клуб, чудесным образом вызревший под крылом местного комсомола. И хипповская (она же наркоманская) мекка — «Сайгон» на углу Невского и Владимирского. И масса возможностей вписаться на флэт (правду сказать, этот сленг и эту тусовку, якобы очень добрую, на деле же хищную и скучную, я и тогда недолюбливал). И питерская кинематографическая школа, иронический, а временами вполне серьезный «новый патриотизм» (Сельянов уже подпольно снял «День ангела», Ковалов уже был лучшим русским кинокритиком). Я не говорю о белых ночах, о памятниках, о львах и конях, о

пирожковых на каждом шагу, о поразившем меня сакральном отношении питерцев к еде и о той же культуре общепита (блокадный город!). И не станем упоминать то, что знают все и что тем не менее для каждого останется своим: Исаакий, Петр работы Фальконе, последняя квартира на Мойке, Казанский собор с его «гулким лесом» (никто не скажет лучше Кушнера). У меня был свой Петербург, а точнее, Ленинград (в этом слове и поныне есть для меня что-то неотразимое, серебристо-солнечное — Ленин тут ни при чем, просто звук такой: одни звонкие согласные). Я в этом Ленинграде служил в армии, точнее, часть стояла у границ города, все-таки чуть на отшибе, в Славянке. Город представлялся мне пределом мечтаний, в городе шла Гражданская Жизнь, в которую почти не верилось. Я задолго до армии любил питерскую литературу больше московской. Там работали изумительные фантасты, причудливо смешавшие фантастику и быт, иронию и печаль: Катерли, Житинский, Попов. Там писали лучшие поэты семидесятых-восьмидесятых-девяностых: Александр Кушнер и Нонна Слепакова, плюс плеяды их учеников. И во всем этом была пленительная альтернативность, «наш ответ Москве»: Москва была столицей официальной, Ленинград — диссидентской. Но именно эта легкая обиженность и составляла прелесть города: в нем много всего было можно. Власть не так давила.

Существовали самая свободная в России молодежная газета «Смена» и лучший по уровню прозы, заставлявший вспомнить о «Еже» и «Чиж», детский журнал «Костер». Именно в Ленинграде зародилось молодежное движение ностальгистов — молодых снобов и денди, игравших в серебряный век, танцевавших под граммофон и, естественно, нюхавших кокаин.

Так что спасибо Ленинграду за то, что он был в нашей жизни. И давайте лучше не думать о том, чем он стал, когда к нему почти вернулись его столичные функции.

Тогдашний питерский характер был иным — сдержанным, учтивым, строгим; и в нравственный кодекс петербуржца входила безоговорочная порядочность в сочетании с безупречной воспитанностью. Питерец всегда был немного обижен: его город «зادвинули», — но и счастлив этой задвинутостью. Питерец был скромнен, ориентирован на Запад (но, естественно, без низкопоклонства) и в



Питерская лошадка везет их прямо в правительство.

высшей степени цивилизован. И в тогдашней стране все это вызывало бешеную симпатию. Но посмотрите, что стало теперь!

Впрочем, это вещь естественная. Любый униженный-обиженный, утешаемый до поры, получив власть, становится невыносим. К сожалению, Питер исключением не стал. Да и почему он должен был им становиться? Почти все питерские памятники до Собчака находились в положении задвинутом, полуфинансируемом, город осыпался полным ходом и до перестройки, а после перестройки процесс ускорился, словно старый трамвай поставили на новые, скоростные рельсы, но забыли отремонтировать. Собчак не был хозяйственным. Возвращая городу статус культурной столицы, он не умел искать деньги на поддержание этого статуса. Зато воспитал плеяду «птенцов гнезда» — людей одаренных и преданных без лести, но отравленных все тем же «комплексом обиженных», дорвавшихся до мести. Этот комплекс очень силен и в нашем президенте, причем каким-то поистине таинственным образом (вот уж точное соответствие между лидером и страной) он совпал с аналогичным комплексом страны, долгое время бывшей символом национального унижения. Мы такие великие... и притом такие второсортные...

Что случилось с петербургским характером?! Тогдашняя сдержанность обернулась разведчицкой, шпионской скрытностью. Тогдашняя легкая обиженность — сегодняшним комплексом чуть ли не национального унижения, жадой дорвавшихся: отомстить, компенсировать, добрать свое. Тогдашняя ориентация на Запад — сегодняшним германофильством. И еще была в питерском характере одна прелесть черта: ведь город, даром что правительственный и интеллигентский, был еще и в высшей степени народным, во всем чувствовалась «олоноватая струя» (как сказал не без иронии Валерий Попов). Население питерских коммуналок, воспетое митьками, оставшееся на прекрасных картинах Шагина, Шинкарева и Голубева, изображенное бесчисленными режиссерами, было все-таки быдловато; миф остался, а вспомнишь — вздрогнешь. И не верю я в скромный питерский средний класс, из которого вышло наше нынешнее все.

Питерская культура? Но ее андеграундный стейб, вышедши к свету, так и не обрел нового качества — напротив, стал мстить официальной культуре и почти уничтожил вместе с нею самую шкалу ценностей, без которой культура немислима. Питерский рок-клуб? Но рок, дорвавшись до коммерции, немедленно выродился, а те немногие его мастодонты, которые верны себе, все больше напоминают памятники себе же самим — и в этом смысле Шевчук мало чем отличается от БГ. Питерская демократия? Но после Собчака, фигуры во многом компромиссной, сплывавшей демократов старого и нового образца, стала очевидна вопиющая авторитарность этой замечательной прослойки, которая, мстя своим когдатопшим врагам, так и не научилась вовремя останавливаться. Конечно, определенную роль в деградации Питера сыграл и его нынешний мэр В. Яковлев, так своевременно выставивший под новую российскую власть, — но на то и интеллигенция, чтобы противостоять власти. А последние губернаторские выборы наглядно продемонстрировали банкротство так называемой либеральной интеллигенции и практически полное отсутствие остальной.

Что до облика города — он изменился мало: по-прежнему великолепная витрина Петербурга — Невский проспект — имеет все ту же чудовищную изнанку. Правда и то, что в условиях петербургского климата не всякая реставрация имеет смысл: через два года фасады вновь начинают сыпаться... Но при-

вести в божеский вид Петроградскую сторону все же имело бы смысл: ведь именно она, а не Невский, стала истинным лицом города уже во времена Достоевского. Питер остался городом жутких дворов и перекопанных улиц, и в этом теперь уже нет прежней прелести: амбиция-то у него теперь имперская! Жаль, что, кроме этой амбиции, ничего нового в культурной столице так и не появилось. Да и культура еды утрачена: пирожковых больше нет, зато на каждом шагу продают жирную и невкусную шаурму...

Всего обиднее, что старательно имитируется Петербург серебряного века, Петербург литературный, — но имитация эта так же лубочна, как московско-лужковские попытки построить новую Москву, деловую и разгульно-добрую одновременно... Не бывает так, господа. И история не повторяется. Мне странно подумать сейчас, что когда-то, возвращаясь в часть после последнего увольнения (дембель был послезавтра), я стоял напротив Казанского собора (храм Спаса на крови был еще в лесах) и повторял про себя: да, Москва, да, домой, да, через два дня... Но неужели я смогу уехать отсюда?! Смог. И теперь почти не приезжаю.

Чтобы вернулся Ленинград нашей молодости, нужно лет триста: заложим новую столицу и дождемся ее распада. Вот тогда и появится на свет нечто столь же прекрасное, святящееся волшебным светом белой ночи, свободное, как питерская кокаиновая молодежь 1918 года, обреченное и музыкальное. А пока будем читать «Сумасшедший корабль» и «Петербургские зимы» — прекрасную лживую литературу о том, чего при жизни уже не увидим никогда.

Сеть: Вы можете принять участие в обсуждении на форуме журнала «Другой» www.drugoy.ru/forum

ДРУГОЙ

питерские приехали

Питер оказался для многих советских граждан первой любовью, которая ничего, кроме горечи, не оставила. Питерцы оказались отягощены комплексом культурного превосходства и крайне малой компетентностью.



Мионов Сергей (1953)

Окончил горный институт им. Плеханова и государственный технический университет СПб. Владелец диплома с отличием академии госслужбы при Президенте РФ и диплома юриста с отличием СПбГУ. Соискатель ученой степени кандидата юридических наук. Как спикер Совета Федерации успел: сообщить, что «мы все будем работать плодотворно, и это не закончится никогда», отказаться от протокольной встречи с Арафатом, предложить продлить срок президентских полномочий и перенести столицу в Ленинград.

Миллер Алексей (1962)

Выпускник Ленинградского финансово-экономического института. Пришел в городскую мэрию СПб, когда комитет по внешним связям по просьбе Анатолия Собчака воз-

главил Владимир Путин. Был одним из его заюмов, занимался развитием первых инвестиционных зон в городе, в частности «Пулково» (здесь были построены заводы «Кока-Кола» и «Жиллетт») и «Парнас» (пиво-варенная компания «Балтика»). Привел в город первые иностранные банки, такие как «Дрезден-банк», «Кредит-Лионне». ОАО «Газпром» оказался ему немножко не по зубам. На момент подписания номера оказалась отставка его из председателем совета директоров. Рем Вяхи-рев, правда, обещал, что «Миллер повесится у себя в кабинете через два месяца».

Кудрин Алексей (1961)

Заместитель министра финансов РФ, окончил экономический факультет ЛГУ. Первый заместитель мэра СПб (1995–1996), ушел в от-

ставку после поражения Собчака. Кандидат экономических наук (диссертация на тему «Проблемы экономического соревнования и конкуренции»). С точки зрения СМИ, еще ничего плохого для страны и Москвы не сделал. Тем не менее взят под охрану ФСО с марта 2002 г.

Жданов А. А. (1896–1948)

Политический деятель. Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) (1934–1944). Член Политбюро ЦК с 1939 г. Генерал-полковник (1944). Входил в ближайшее политическое окружение Сталина: один из организаторов массовых репрессий в 1930-е — 1940-е гг., главный идеолог государства, тесть Светланы Аллилуевой. Тоже хотел перенести столицу РСФСР в Ленинград, для чего даже построил Дом правительства на Московском про-

спекте, который ныне занимает концерт «Ленинец». В блокаду любил лакомиться свежими фруктами.

Шнуров Сергей (1973)

Учился в ПТУ (реставратор произведений из дерева 4-го разряда), инженерно-строительном институте, религиозно-философском институте при духовной академии. В 1999 г. его группа «Ленинград» заключила контракт на выпуск четырех альбомов с компанией Gala Records. Революционизировал поэтическое слово рок-музыки, выставив обценное политическое окружение Сталина: изменив лишь attitude лирического героя, избавившись от лицемерия. До него это не удавалось никому, в том числе и перестроечным писателям. Похоронил миф о ленинградском роке, став любимцем московских клубов.